

Главу можно читать после третьего тома третьей части (10 том по сквозной нумерации)

Прим. залищика: глава переводилась с веб-новеллы без проведения сверки с аналогичной главой с лайт-новеллы, но добавлена сюда, так как их содержание отличаются незначительно

— Экхарт, почему так долго? Ты ведь понимаешь, что я всё это время ждал от тебя ордоннанц?
— обвиняющим тоном спросил Юстокс¹.

— Разве десять дней можно назвать долгим ожиданием? — возразил я. — Не преувеличивай...

Стоило Юстоксу прийти ко мне домой, как он начал жаловаться. Если бы то же самое сказала моя покойная жена Хайдемари, то я, разумеется, сразу бы извинился, что заставил её ждать. Вот только сейчас мне жаловался мужчина, которому немного за тридцать, и который в данный момент позабыл о дворянских манерах, потому как разговор касался его хобби — сбора информации. Пусть меня это и не слишком заботило, но всё же немного раздражало.

Я положил прочитанный пергамент в стопку других документов, а затем попросил слугу, что привёл Юстокса в мой кабинет, приготовить чай. После этого я посмотрел на Юстокса и сказал:

— Я присоединился к эскорту весеннего молебна, поскольку это был приказ ауба и господина Фердинанда. Должен сказать, во время этой поездки произошло немало неожиданного. Я и сам хотел поделиться этим с тобой, так что пригласил, как только у меня появилось время.

Осенью на празднике урожая Розмайн и господин Фердинанд путешествовали врозь, а потому единственным кратким периодом, когда они были вместе, оказалось уничтожение гольца. И даже если я заметил что-то необычное, что казалось бы странным в благородном обществе, то просто посчитал, что таковы порядки в храме. Когда я сказал об этом, Юстокс ответил:

— Ничего удивительного. Не думаю, что прочие рыцари сопровождения придают этому значение, поскольку не слишком хорошо знают господина Фердинанда. К тому же храм, похоже, достаточно сильно отличается от дворянского района.

Я хотел поговорить с кем-то, кто понял бы, насколько удивительные вещи мне довелось увидеть и услышать во время весеннего молебна. Жаль, что Юстоксу, который сопровождал господина Фердинанда и Розмайн в качестве служащего, пришлось покинуть нас, чтобы вернуть привезённые в Хассе регистрационные свидетельства.

— Так значит, это история об удивительной поездке? Я очень хочу её услышать... Кстати, а что ты сейчас делаешь? — поинтересовался Юстокс, опустив взгляд на мои руки.

По его словам, необычно, что я провожу какое-то исследование в своём кабинете. Пусть подобный интерес был не очень вежливым, я не видел в этом проблемы и просто протянул Юстоксу документы.

— Дамуэль попросил у меня документы о том, как господин Фердинанд использовал гевиннён, обучая других студентов дворянской академии основам ведения сражений. Вот я и искал эти документы. Кажется, он состоит в какой-то команде по повышению оценок Ангелики.

— И как обстоят дела у Ангелики?

На вопрос Юстокса я мог ответить лишь:

— Я не знаю.

По-правде говоря, меня не интересовала ситуация с Ангеликой.

— На мой взгляд, это немыслимо, чтобы последователю члена семьи герцога требовалось посещать дополнительные занятия. Когда я услышал, что Розмайн намеревается сохранить кого-то столь некомпетентного в качестве своего последователя, то подумал, что ослышался.

Обычно, если рыцарь-ученик, служащий эскортом кому-либо из семьи герцога, допускал серьёзную ошибку, то его следовало отстранить от этой роли. Вот только, сколь бы бесполезными не были люди, будь то Ангелика или жители Хассе, Розмайн не могла просто взять и выкинуть их из своей жизни.

— Честно говоря, я считаю Розмайн слишком мягкой. Она не подходит для роли приёмной дочери герцога.

— Даже если ты так о ней отзываешься, ты всё равно с большим энтузиазмом ищешь учебные материалы, — насмешливо сказал Юстокс.

Вот только я помогал не Ангелике или Розмайн.

— Это для Дамуэля и Корнелиуса. Во время весеннего молебна мне представилось много возможностей поговорить с Дамуэлем, а потому я знаю, насколько тяжело ему обучать Корнелиуса и Ангелику.

— Экхарт, а ты весьма добр к Дамуэлю, не так ли? — спросил Юстокс, ухмыльнувшись. — В чём причина? Я думал, ты считаешь, что не следует держать низшего рыцаря в качестве эскорта юной леди?

— Действительно, я против этого, — ответил я, кивнув. — Для Дамуэля, как низшего рыцаря,

нагрузка в качестве эскорта приёмной дочери герцога слишком велика. К тому же это вызывает недовольство других дворян. Не думаю, что он сможет преуспеть в этой роли. Лучше бы ему перестать служить в её эскорте. Однако, по словам господина Фердинанда, Розмайн нуждается в нём.

Похоже, присутствие Дамуэля в храме весьма полезно. Поэтому господин Фердинанд хочет, чтобы Дамуэль, который знал Розмайн простолюдинкой, ещё какое-то время оставался её рыцарем сопровождения.

— То, что юная леди спасла Дамуэля от наказания, а также её помощь Ангелике можно трактовать не только как мягкость, но и как милосердие, благодаря которому её называют святой Эренфеста.

— Если таково решение господина Фердинанда, то я могу лишь всецело поддержать его. К счастью, Дамуэль — юноша с медленно растущей магической силой, и даже сейчас, когда он уже достиг совершеннолетия, его магическая сила постепенно увеличивается.

Когда я рассказал, что во время весеннего молебна обсуждал с господином Фердинандом тренировки Дамуэля, лицо Юстокса стало серьёзным. Он постучал пальцем по стопке деревянных дощечек и листов пергамента и сказал:

— Экхарт, могу я уточнить, что из этого предназначено именно для Дамуэля? На мой взгляд, ты всё это делаешь исключительно для господина Фердинанда.

— Хм-м... Пожалуй, ты прав. Я действительно делаю это ради господина Фердинанда, а не Дамуэля. Но что касается Корнелиуса, я не соврал. У моего младшего брата никогда не было заметного желания и настроения учиться, так что сейчас родители довольны, что он взялся за ум. Мой долг как старшего брата — помочь ему в этом. К тому же, так Корнелиус сможет немного больше узнать о господине Фердинанде.

Похоже, Юстокс нашёл мою последнюю фразу занятой и рассмеялся.

— Так значит в этом заключается твоё настоящее намерение?

Раз это пойдёт на пользу Корнелиусу, то не думаю, что это плохо. Корнелиусу не довелось учиться в одно время с господином Фердинандом в дворянской академии, а потому он просто не понимает всё его величие. И тут мне в голову пришла одна мысль. Возможно ли, что Дамуэль осознал величие господина Фердинанда, услышав те истории, что ему рассказал его старший брат Хенрик? Так может, это я недостаточно рассказывал брату про господина Фердинанда или говорил как-то не так?

Я почувствовал сожаление, что как старший брат, недостаточно хорошо передал ему, насколько потрясающий господин Фердинанд. Тем не менее Корнелиус стал последователем приёмной дочери герцога и начал учиться. Теперь, когда он служит Розмайн, у нас с ним будет

больше возможностей поговорить о том, насколько господин Фердинанд невероятен.

— Когда закончите, покиньте комнату, — сказал я слугам, которые наливали нам чай.

После того, как слуги удалились, я сказал Юстоксу располагаться и передал магический инструмент, блокирующий звук. О том, что произошло во время весеннего молебна, не следует слышать кому-либо ещё.

— Так что же случилось? Жаль, что я не смог сопровождать вас в Ночь Фрютрены.

— Разве тебе недостаточно того, что ты смог присутствовать на казни в Хассе? Я слышал, что тебе, как сборщику налогов, пришлось приложить много усилий, чтобы тебе доверили регистрационные свидетельства. Или это не так?

— Да разве можно упустить возможность увидеть вблизи магию, которой владеет только семья герцога? Я просто не мог позволить, чтобы вместо меня вас сопровождал кто-то другой.

Слова Юстокса служили прекрасным доказательством того, насколько необычны его увлечения. К тому же, пусть возможность увидеть такую магию и крайне редка, но если бы её сотворил не господин Фердинанд, а кто-то другой, Юстокс, наверное, не был бы столь заинтересован.

— Экхарт, так что ты думаешь о юной леди Розмайн? Ты говорил, что наказание Хассе, на твой взгляд, оказалось слишком мягким.

После слов Юстокса я ненадолго задумался. Юстокс хвалил Розмайн за то, что хотя она и была простолюдинкой, но прикладывала все силы, чтобы походить на дворянку. На мой взгляд ей не хватало достоинства и строгости, которыми должны обладать члены семьи герцога. Я всё также придерживаюсь этого мнения. Однако я уже не воспринимаю Розмайн просто как младшую сестру, что была простолюдинкой, и которой благоволит господин Фердинанд.

— Что касается наказания Хассе, то я был немного раздражён. Из-за того, что Розмайн по-прежнему мыслит как простолюдинка, эта ситуация доставила господину Фердинанду много лишних хлопот. Я считал её слабой младшей сестрой, которой не хватает здравого смысла дворян, и потому господину Фердинанду приходится заботиться о ней. Но сопровождая её во время весеннего молебна и выслушав, что о ней думает сам господин Фердинанд, я пересмотрел свою оценку, — сказал я и отпил чаю.

Юстокс с горящими от любопытства глазами наклонился вперёд.

— Вот как. Осенью мы уже сопровождали юную леди во время праздника урожая. Из-за

слабости юной леди, ты ведь тоже сомневался в её способности выполнять свою работу без лекарств господина Фердинанда, верно? Помнится, ты не раз упоминал о значительном разрыве между физической и магической силой юной леди, хотя, если их как-то уравнивать, она могла бы стать обычной девочкой. Учитывая, что тебя возмутил мягкий приговор для Хассе, что же привело к тому, что ты изменил свою оценку юной леди?

— Я по-прежнему считаю, что приговор Хассе слишком мягок. Простолюдины обязаны полностью подчиняться семье герцога, а если кто-то из них вздумает бунтовать, то наказать их нужно со всей строгостью. Как приёмная дочь герцога, Розмайн не должна быть настолько мягкой. В этом отношении, моё мнение о ней не изменилось. Тем не менее, невозможно не признать её полезность для господина Фердинанда. Во время этого весеннего молебна я не раз так сильно удивлялся, что мне приходилось прикладывать силы, чтобы на моём лице не проявилось потрясение.

Я принялся вспоминать наше путешествие во время весеннего молебна. Розмайн всё так же слаба, как и во время праздника урожая. Я не мог не поразиться тому, что господин Фердинанд, пускай временами и хмурясь, давал ей ценное восстанавливающее лекарство, которое он приготовил собственноручно. Тем не менее, надо отметить, что по сравнению с прошлым путешествием во время праздника урожая, Розмайн падала без сил заметно реже. Когда я понял, что причиной было то, что господин Фердинанд внимательно за ней присматривал, я почувствовал, словно меня поразила молния.

— В отличие от осени, на этот раз с нами находился господин Фердинанд, а потому мне довелось увидеть, как они общаются. Это меня невероятно поразило. Господин Фердинанд обращался с Розмайн столь же бережно, как если бы выращивал какое-то невероятно ценное растение.

Я видел такое его отношение лишь к материалам для исследований, вроде лекарственных трав, но он впервые показывал такую заботу о человеке. Если бы Хайдемари была жива, она бы точно удивилась.

— Действительно, после казни в Хассе господин Фердинанд проявлял необычайную заботу о юной леди, — ответил Юстокс. — Такое не каждый день увидишь. Я думал, он будет строг с ней, и даже намеревался вмешаться, в случае чего, но этого не понадобилось.

— Хм. Если она не научится следить за своим здоровьем сама и спокойнее относиться к неприятным вещам, то может просто умереть, если в какой-то момент её слуг не окажется рядом. Я предполагал, что господин Фердинанд отчитает её за то, что ей не хватает самообладания.

Господин Фердинанд рос, подвергаясь постоянным нападкам со стороны матери лорда Сильвестра, а потому привык действовать так, чтобы не показывать другим собственные слабости. Он считал, что не следует смешивать личные чувства и работу. Господину Фердинанду сложно открыто проявлять эмоции и высказывать симпатии, поэтому он предпочитает либо выражать их уклончиво, либо не делать этого вообще.

Тем не менее в Хассе господин Фердинанд отправился к Розмайн только для того, чтобы дать ей возможность отдохнуть, завернувшись в отцовский плащ. При этом для её слуг эта ситуация выглядела просто как разговор с Розмайн. Для господина Фердинанда необычно проявлять столь явную заботу. В то же время я рад, что господин Фердинанд перестал быть столь отчуждённым и начал относиться к другим с пониманием и добротой.

— И это не единственное, что меня поразило. Господин Фердинанд позволил личному повару Розмайн готовить для него и хорошо отзывался о вкусе еды.

— Что!? Ты говоришь о нашем господине Фердинанде!? О человеке, который, занимаясь исследованиями, считает необходимость поесть настолько вторичной, что просто обходится поддерживающими лекарствами!? — потрясённо воскликнул Юстокс.

Я был доволен такой его реакцией. Приятно, когда кто-то ещё разделяет моё удивление. В храме это никому не показалось необычным. Все просто спрашивали: «Разве не лучше поесть вкусно?»

— Хм... Господин Фердинанд не возражал. Он сказал, что хоть и может смириться с едой простолюдинов, но не хочет есть подобное каждый день... Более того, он ел еду, приготовленную личным поваром Розмайн без дополнительной проверки на яд.

— Что? Эм-м... ну может в храме это обычное дело? — спросил Юстокс.

Это тоже сильно потрясло меня. Без крайней необходимости, дворяне редко позволяли своим поварам готовить вместе, опасаясь, что в еду могут добавить яд. Фердинанд сильно опасался того, что его отравят, а потому, став взрослым и переехав, он редко ел в замке. Казалось немыслимым, что Фердинанд согласился доверить приготовление еды на всё время путешествия личному повару Розмайн.

— И это еще не всё. Во время весеннего молебна господин Фердинанд вёл переговоры с Розмайн о покупке новых рецептов.

Во время зимних кругов общения стало широко известно, что господин Фердинанд купил рецепты Розмайн. Тем не менее, зная, что он никогда не интересовался едой, я полагал, что господин Фердинанд купил их, чтобы поддержать Розмайн, поскольку являлся её опекуном, а другие дворяне считали, что это было необходимо для распространения тенденций.

— А ещё, когда выяснилось, что только два повара могут научить рецептам Розмайн, господин Фердинанд не колеблясь согласился заплатить, чтобы временно нанять одного из них. Я не мог поверить, услышав об этом, но Розмайн просто сказала: «Разве ты не знал, что господин Фердинанд любит много и вкусно поесть? Он весьма привередлив в еде».

— Ха... Это господин Фердинанд-то любит много и вкусно поесть? Впервые об этом слышу. Неожидаемое мнение. Не думал, что его вообще можно заставить нормально поесть.

— При этом никто в храме совершенно не придаёт этому значения! Даже Дамуэль! Ты понимаешь моё потрясение!?

— Прекрасно понимаю!

Я рад, что нашёл в Юстоксе единомышленника. С тех пор, как предыдущий ауб заболел, власть Вероники стала просто огромной. Настали тяжёлые времена, требующие от нас бдительности. Мне и Юстоксу пришлось постараться, чтобы обеспечить безопасность еды господина Фердинанда. Для нас, кто всеми силами пытались завоевать доверие господина Фердинанда, его благосклонность к Розмайн казалась удивительным.

— Хм... Мне бы тоже хотелось быть там. В любом случае, произошло ли что-нибудь странное в Ночь Фрютрены также, как и в Ночь Шуцери?

— Да, произошло нечто действительно странное.

Юстокс хлопнул себя по коленям и с сожалением сказал: «Я так и знал!». Затем он пристально посмотрел на меня и потребовал рассказать подробности. Я ожидал этого, так что рассказал о случившемся с точки зрения девушек. Другими словами то, что поведала Розмайн. Юстоксу очень понравилась эта странная ночная история.

— Барьер из магической силы, который не смог сломать даже господин Фердинанд, мерцающие огоньки из магической силы, цветы и листья, что выросли под песню юной леди...
— перечислял Юстокс с сияющими глазами.

— А ещё Розмайн, которая была настолько беспечна, что просто бродила у источника, и каталась на гигантском листе, собирая нектар. Ситуация казалась настолько опасной, что господин Фердинанд не находил себе места и изо всех сил пытался разбить барьер. Вот только все его усилия оказались тщетны, пока наконец не взошло солнце.

К своему облегчению, господин Фердинанд смог сломать истончившийся магический барьер и поймал падающую Розмайн, и всё же та ночь выдалась весьма беспокойной.

— Между прочим, кажется, что материал, который Розмайн собрала в Ночь Фрютрены, особенный, и господин Фердинанд был вне себя от радости, когда рассказывал об этом моему отцу. Насколько я понял, собранный нектар рэйрёна сильно отличается от обычного.

После моих слов Юстокс снова принялся горевать, что не смог сопровождать нас. Это раздражало. Именно поэтому господин Фердинанд не любит брать его с собой. Юстокс раздражает и доставляет хлопот.

— Почему бы тебе не узнать подробности от господина Фердинанда? Думаю, он расскажет тебе об этом. Кроме того, похоже, что в Ночь Фрютрены мужчинам не дозволяется войти в

Купальню богинь, так что неизвестно, удастся ли получить столь редкий материал снова.

Господин Фердинанд говорил, что хотел бы изучить полученный нектар, так что не думаю, что он поделится им с Юстоксом, который просто любит коллекционировать редкие вещи. Но когда я упомянул о том, что рассказывал господин Фердинанд о нектаре рэйрёна, Юстокс пристально посмотрел на меня и спросил:

— Экхарт... если мужчинам не дозволяется войти, то что будет, если переодеться женщиной?

— Я не думаю, что нечто подобное способно обмануть глаза богинь, но если хочешь, можешь попытаться. Только не нужно вовлекать в это меня или господина Фердинанда. Делай это в одиночку.

Когда я махнул рукой, давая понять, что если он так хочет попытаться, то пусть пробует, Юстокс, выглядя огорчённым, скрестил руки на груди и пробормотал:

— Хочешь сказать, что ничего не выйдет?

Я просто не могу себе представить, что переодетому женщиной Юстоксу удастся обмануть богинь. Неужели он действительно думает, что они не заметят его обман?

— Может в следующем году выпадет такая возможность, — произнёс Юстокс, — но не думаю, что справлюсь один. Похоже, лучше отказаться от этой идеи с Купальной богинь... Между прочим, Экхарт, вы уже определились с местом летнего сбора юной леди?

— Гора Лознберг. Но тебя мы не возьмём. Даже с одной Розмайн имеется высокий шанс, что произойдёт что-то странное, а потому мы не можем присматривать ещё и за тобой.

Когда я передал ему то, о чем мне уже говорил господин Фердинанд, Юстокс, видимо сильно расстроенный, демонстративно печально свесил голову. Какая знакомая поза.

— Разве не жестоко, снова не брать меня с собой? — возмутился Юстокс.

— Там логово магических зверей и легко добыть магические камни. И я помню, как тяжело было сражаться со всеми ими.

Гору Лознберг наполняет огромное количеством магической силы. Лишь от воспоминаний о том случае, когда она чуть не взорвалась всей этой силой, у меня начинают бежать мурашки по коже. Юстокс недовольно посмотрел на меня.

— Я понял, как правильно собирать там материалы. Второй раз я не повторю ту же ошибку. Поэтому, Экхарт, не мог бы ты замолвить за меня слово перед господином Фердинандом...

— Даже если ты не повторишь прошлую ошибку, это ещё не значит, что ты не натворишь что-то ещё или не будешь мешать. Ты правда думаешь, что не доставишь проблем? Кроме того, я не очень-то верю твоим заверениям, что ты не допустишь ошибок. Нам потребуется действовать предельно быстро, а потому мы не можем позволить себе каких-либо неопределенностей.

Когда я отказался ему помочь, Юстокс обиженно посмотрел на меня карими глазами. Но какое бы жалобное лицо он не делал, я не намеревался ему помогать. Указания господина Фердинанда для меня стоят на первом месте.

Примечания

1. Комментарий Кадзуки Мии: Это история, которая не стала эпилогом. Содержание разговора не сильно меняется, но, возможно, будет интересно сравнить.

<http://tl.rulate.ru/book/71458/2355324>